

УДК 1(091)

СТОИЧЕСКАЯ МУДРОСТЬ СЕНЕКИ

А. В. РУБАНОВ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Рассмотрена реконструкция системы взглядов древнеримского философа Сенеки о стоической этике и мудрости жизни в сборнике «Нравственные письма к Луцилию». Показано, как Сенека объяснял основы мироздания, включая понятия разума (Бога), необходимости, судьбы (фортуны), души, счастья и наслаждения. Выделены представления данного философа о смысле жизни, целях и тактике человеческих действий, оценка жизненной ситуации и личностная самооценка, их влияние на поведение и душевное самочувствие человека. Раскрыто, что предметом повышенного внимания Сенеки являются вопросы этики, в эпицентре которых находятся понятия блага и добродетели, долга и совести, нравственные основы межчеловеческих отношений и общественной жизни, а также проблемы и методы воспитания и самовоспитания.

Ключевые слова: этика; стоицизм; мудрость; душа; смысл жизни; благо; добродетель; долг; счастье; воспитание.

THE STOIC WISDOM OF SENECA

A. V. RUBANAU^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The subject of this article is the reconstruction of the system of views of the Ancient Roman philosopher Seneca on stoic ethics and the wisdom of life in the «Moral Letters to Lucilius». Seneca's explanation of the foundations of the universe is shown, including the concepts of reason (God), necessity, fate (fortune), soul, happiness, and pleasure. His ideas about the meaning of life, the goals and tactics of human actions, the assessment of the life situation and personal self-esteem, their in-

Образец цитирования:

Рубанов АВ. Стоическая мудрость Сенеки. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2023;2:4–14.
<https://doi.org/10.33581/2520-2251-2023-2-4-14>

For citation:

Rubanau AV. The stoic wisdom of Seneca. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2023; 2:4–14. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2520-2251-2023-2-4-14>

Автор:

Анатолий Владимирович Рубанов – доктор социологических наук, профессор; профессор кафедры социологии факультета философии и социальных наук.

Author:

Anatoly V. Rubanau, doctor of science (sociology), full professor; professor at the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences.
rubanov.bsu@gmail.com

fluence on the behaviour and mental well-being of a person are highlighted. It is shown that the subject of Seneca's increased attention is the issues of ethics, in the epicenter of which are the concepts of goodness and virtue, duty and conscience, the moral foundations of interpersonal relations and social life, problems and methods of education and self-education.

Keywords: ethics; stoicism; wisdom; soul; meaning of life; blessing; virtue; duty; happiness; upbringing.

«Нравственные письма к Луцилию» – итоговое и наиболее известное произведение выдающегося римского философа-стоика. Оно включает 124 письма Сенеки, возможно, воображаемому адресату. В них он хотел «охватить всю нравственную философию и объяснить все относящиеся к ней вопросы» (Sen. Ep. CVI, 2). Ученый С. Ошеров, который переводил письма с латинского языка, писал о том, что они «остаются как бы фрагментарными», но «в конечном счете, из мозаики писем слагается система стоической этики в истолковании Сенеки – цельная и стройная, вопреки кажущейся разорванности изложения»¹. В данной книге Сенека изложил основы стоически мудрого отношения к жизни и поведения людей.

Размышления философа исходят из его основополагающих представлений о мире. Объясняя первопричины мироздания, Сенека писал о том, что «...наши стоики... утверждают: все в природе возникает из двух начал – причины и материи. Материя коснеет в неподвижности, она ко всему готова, но останется праздною, если никто не приведет ее в движение. Причина... ворочает материю как хочет и, придавая ей форму, лепит всяческие предметы» (Sen. Ep. LXV, 2). Данной причиной, по мнению мыслителя, является «деятельный разум, то есть Бог» (Sen. Ep. LXV, 12).

По воле Бога в мире господствует определенный порядок вещей (необходимость), в который включена и судьба человека (фортуна). Отношение Сенеки к фортуне многозначно. Ключевой его тезис состоит в том, что «душа сильнее фортуны... она делает... жизнь блаженной или несчастной» (Sen. Ep. XCVIII, 2), и «над нравами человека фортуна не властна» (Sen. Ep. XXXVI, 6). Развивая эту мысль, философ писал: «Все причастное фортуне и плодоносно, и приятно, если владеющий им владеет и собой, не попав под власть своего достоинства» (Sen. Ep. XCVIII, 2). Всякий истинный человек добра может возвыситься над фортуной по той причине, что причастен божеству, который «дает нам благородные и правдивые советы» (Sen. Ep. XLI, 2). По поводу случая и фортуны в письме есть следующие предупреждения: «Избегайте всего, что... подбросил вам случай! Вы думаете, это дары фортуны? Нет, это ее козни» (Sen. Ep. VIII, 3); «Не наше то, что нам дано фортуной» (Sen. Ep. VIII, 10).

Сенека рассматривал взаимосвязь проблемы отношения человека к фортуне и проблемы свободы.

Он задавал риторический вопрос о том, что такое свобода, и отвечал на него так: «Не быть рабом ни у обстоятельств, ни у неизбежности, ни у случая; низвести фортуна на одну ступень с собою; а она, едва я пойму, что могу больше нее, окажется бессильна надо мною» (Sen. Ep. LI, 9).

Предметом особого внимания древнеримского философа стали источники человеческой активности. Первый из них – желания. Их возникновение Сенека связывал с фортуной: «Ты не назовешь мне никого, кто, желая чего-нибудь, знал бы, откуда это желание взялось, ведь он пришел к нему не по размышлению, а натолкнулся на него сходу. Фортуна сама находит нас не реже, чем мы ее» (Sen. Ep. XXXVII, 5). Раскрывая динамику желаний, он вводил понятие «цепь желаний», подразумевающее момент, когда «одно родит другое» (Sen. Ep. XIX, 6). Выделяются два вида желаний: естественные и порожденные ложным мнением. Их различие состоит в том, что «естественные желания имеют предел, порожденные ложным мнением – не знают, на чем остановиться» (Sen. Ep. XVI, 9). Раскрывая на примере животных содержание естественных желаний, Сенека писал о том, что природа «больше всего учит самосохранению и всему, что для него нужно» (Sen. Ep. CXXI, 23). Он подчеркивал, что «первые орудия, данные им природой для выживания, – приспособление и любовь к себе» (Sen. Ep. CXXI, 24). Как выражался философ, если «захочешь узнать, естественно ли твое желание или слепо, взгляни, может ли оно где-нибудь остановиться» (Sen. Ep. XVI, 9). Кроме того, Сенека давал практический совет о том, как контролировать свои желания: «Установи же для себя предел, за который ты не хотел бы перейти, даже если мог» (Sen. Ep. XVI, 11).

Дальше логика рассуждений древнеримского мыслителя направлена на выяснение смысла жизни человека. Он начал их с постановки основополагающего смыслового вопроса и своего рода целеполагания: «Неужели мы уже знаем, как жить, как умирать? Вот к чему следует направить все мысли» (Sen. Ep. XLV, 5). В процессе размышления философ затрагивал проблему души, ее особой роли в формировании жизненных намерений и поступков человека: «Поступок не будет правильным без правильного намерения, которым поступок и порождается. И опять-таки намерение не будет правильным без правильного строя души, которым

¹Ошеров С. Сенека: философ, прозаик, поэт // Сенека. Нравственные письма к Луцилию. Трагедии / сост. М. Гаспаров. М.: Худож. лит., 1986. С. 17.

и порождается намерение. А строй души не будет наилучшим, если она не постигнет законов всей жизни» (Sen. Ep. XCV, 57).

Сенека наделял душу разносторонней характеристикой. Объясняя ее материальный субстрат, философ говорил, что она «состоит из тончайшего вещества... чье вещество тоньше огненного» (Sen. Ep. LVII, 8). А на вопрос о том, «может ли она остаться бессмертной», отвечал: «Даже не сомневайся» (Sen. Ep. LVII, 9). Мыслитель писал: «Душа, бесспорно, одушевлена» (Sen. Ep. CXIII, 2); «...в ней – совершенный разум» (Sen. Ep. XLI, 8).

Но душа, по его своеобразной классификации, может быть как прямой, так и дурной: «Душа прямая и чуждая порчи исправляет зловредность фортуны и знанием смягчает с трудом переносимые тяготы; все приятное она встречает скромно и с благодарностью, все неприятное – мужественно и со стойкостью» (Sen. Ep. XCVIII, 3); «Душа дурная все оборачивает к худшему, даже то, что приходит под видом наилучшего» (Sen. Ep. XCVIII, 3). Особо он выделял то, что она «видит свои недостатки, которых прежде не знала, это свидетельствует, что она обратилась к лучшему» (Sen. Ep. VI, 1).

Смысл жизни, найденный благодаря душе, обязательно должен конкретизироваться в целях. В реальности часто происходит наоборот: «Кто живет без цели впереди, тот всегда блуждает» (Sen. Ep. XCV, 46); «Лишь немногие располагают собой и своим добром по собственному усмотрению, прочие же подобны обломкам в реке: не они плывут, а их несет... Поэтому следует установить, чего мы хотим, и добиваться желаемого с упорством» (Sen. Ep. XXIII, 8). Мотивация безынициативности и бездеятельности раскрывается следующим образом: «“Не хотим” – вот причина; “не можем” – только предлог» (Sen. Ep. CXVI, 8).

В контексте такой постановки вопроса о смысле жизни и его значении для блага человека находят известные рассуждения Сенеки о времени: «...часть времени у нас отбирают силой, часть похищают, часть утекает впустую. Но позорнее всех потеря по нашей собственной небрежности. Вглядись-ка пристальней: ведь наибольшую часть жизни тратим мы на дурные дела, немалую – на безделье, и всю жизнь – не на те дела, что нужно» (Sen. Ep. I, 1, 2) «...не упускай ни часу. Удержишь в руках сегодняшний день – меньше будешь зависеть от завтрашнего. Не то, пока будешь откладывать, вся жизнь и промчится» (Sen. Ep. I, 1, 2).

Особое внимание Сенека обращал на четкость и последовательность в постановке и достижении жизненных целей: «Плохо живут те, кто всегда начинают жизнь сначала» (Sen. Ep. XXIII, 9); «...кто перескакивает от одного намерения к другому и даже не перескакивает, а мечется под действием любой случайности» (Sen. Ep. XXIII, 7); «...и не только меняет намерения, но и возвращается вспять, к тому, от

чего ушел и что сам осудил» (Sen. Ep. XX, 4). И в завершение этой цепочки мысли, как бы подводя ее итог, мыслитель написал свой известный афоризм: «Кто везде – тот нигде» (Sen. Ep. II, 2).

Смысл и главный признак жизни – деятельность (Sen. Ep. CXXII, 3). В свои письма он добавил следующие сентенции: «Мало не отказываться от труда: нужно искать его» (Sen. Ep. XXXI, 6); «Мужчине пот не страшен!» (Sen. Ep. XXXI, 7); «Сократим же хоть ненамного ночь в пользу дня!» (Sen. Ep. CXXII, 3). Сенека, развивая свою мысль, говорил о том, что в деятельности человеку очень важно осмелиться и начать, преодолев сомнения, которые нередко сопутствуют началу активных действий. К тому же бывает так, что мы «трепещем перед неизвестным как перед неотвратимым, забывая меру настолько, что малейшее сомнение превращается в ужас» (Sen. Ep. XIII, 14), при этом «все неожиданное гнетет нас сильнее» (Sen. Ep. XCI, 3). Он также писал слова поддержки тем, кто сомневается и колеблется в подобной ситуации: «Разве, когда возьмешься, все не оказывается легче? Мы не потому не осмеливаемся, что трудно, – трудно оттого, что мы не осмеливаемся» (Sen. Ep. CIV, 26).

Успех человеческой деятельности, по мнению Сенеки, зависит от соблюдения ряда условий, в связи с чем философ дал практические жизненные советы: «Пусть человек будет разумным, пусть все делает по зрелом размышлении, пусть не берется ни за что непосильное» (Sen. Ep. XCVIII, 3); «Что страшно, то старайся отклонить; что рассудок может предвидеть, то старайся предвидеть; что грозит тебе ударом, старайся заметить и предотвратить, прежде чем оно случится» (Sen. Ep. XCVIII, 7); «Есть одно благо, и в нем же – источник и залог блаженной жизни: полагаться на себя» (Sen. Ep. XXXI, 3); «...тот может все, чего хочет, кто не считает, будто может больше, чем должен» (Sen. Ep. XC, 4); «...не спешить прежде времени и не мешкать, когда время настанет» (Sen. Ep. XXII, 6); «...разумный всегда примешивает к надеждам долю отчаяния, к отчаянию – долю надежды» (Sen. Ep. CIV, 12); «Поздно быть бережливым, когда осталось на доньшке» (Sen. Ep. I, 5); «...надейся на справедливое решение, но готовься к несправедливому» (Sen. Ep. XXIV, 12); «Нередко учат обману тем, что обмана боятся, и подозрениями дают право быть вероломным» (Sen. Ep. III, 3); «...порок – и верить всем, и никому не верить, только, я сказал бы, первый порок благороднее, второй – безопаснее» (Sen. Ep. III, 4); «...доводи же до конца то, на что замахнулся, пусти в дело все, что есть у тебя за душой» (Sen. Ep. XXXI, 1).

Цель человеческой деятельности многие мыслители видят в достижении счастья, ассоциируя его с состоянием радости и наслаждения. Ключевым в рассуждениях Сенеки о счастье является следующий тезис: «Сделай сам себя счастливым! Это тебе

по силам, если поймешь одно: благо лишь то, в чем присутствует добродетель, а то, что причастно злу, постыдно» (Sen. Ep. XXXI, 5). Это означает, что ощущение счастья он напрямую связывал с благом и добродетелью.

В поисках того, что есть благо и как достигнуть добродетели, мыслитель приходил к следующему ответу: «...душа непреклонная, благородная, высокая. Можно ли назвать ее иначе как богом, нашедшим приют в теле человека? Такая душа может оказаться и у римского всадника, и о вольноотпущенника, и у раба» (Sen. Ep. XXXI, 11).

Пытаясь найти счастье каким-либо иным путем, нужно принимать в расчет его неоднозначные свойства, которые Сенека описывал следующим образом: «Счастье – вещь беспокойная... Каждого оно заставляет за чем-нибудь гнаться: одних – за властью, других – за роскошью, первых делая спесивыми, вторых – изнеженными, но губя и тех, и этих» (Sen. Ep. XXXVI, 1); «Счастье, вопреки общему мнению, не жадно, а слишком ничтожно, чтобы кого-нибудь насытить. Тебе кажется высоким то, от чего ты далеко, а взойди наверх – и оно окажется низким» (Sen. Ep. CXVIII, 6); «Никогда не считай счастливым того, кто зависит от счастья! Если он радуется пришедшему извне, то выбирает хрупкую опору: пришедшая радость уйдет» (Sen. Ep. XCVIII, 1); «В чем же заблуждаются все люди, когда желают счастливой жизни? В том, что принимают средства к ней за нее самое и чем больше к ней стремятся, тем дальше от нее оказываются» (Sen. Ep. XLIV, 7).

В этой ситуации мыслитель давал людям простые и доступные для следования житейские советы о том, как достичь счастья и сопутствующей ему радости в обыденной повседневной жизни и как это счастье, образно говоря, не спугнуть: «Одного желай... чтобы ты мог довольствоваться самим собой и порожденными тобою благами. Какое еще счастье можем мы найти так близко? Ограничься немногим, чего нельзя отнять!» (Sen. Ep. XX, 8); «Глупо, конечно, чувствовать себя несчастным из-за того, что когда-нибудь станешь несчастным. Но я поведу тебя к безмятежности другим путем. Если ты хочешь избавиться от всякой тревоги, представь себе, что пугающее тебя случится непременно, и какова бы ни была беда, найди ей меру и взвесь свой страх. Тогда ты наверняка поймешь, что несчастье, которого ты боишься, или не так велико, или не так длительно» (Sen. Ep. XXIV, 1, 2); «...научись радоваться... я хочу, чтобы радость не разлучалась с тобой, хочу, чтобы она рождалась у тебя дома. И это исполнится, если только она будет в тебе самом. Всякое иное веселье... мимолетно. Или, по-твоему, радуется тот, кто смеется? Нет, это душа должна открыться и уверенно вознестись надо всем» (Sen. Ep. XXIII, 3); «...радуйся лишь тому, что твое. Но что есть это “твое”?» (Sen. Ep. XXIII, 6); «...его дают чистая совесть, чест-

ные намерения, правильные поступки, презрение к случайному, ровный ход спокойной жизни, катящейся по одной колее» (Sen. Ep. XXIII, 7); «Одна лишь добродетель дает нам радость долговечную и надежную» (Sen. Ep. XXVII, 3).

Составной частью сюжета о счастье и счастливой жизни у Сенеки являются высказывания о наслаждениях: «Кто из врагов бесчестит человека так, как иных – собственные наслаждения? Таким можно простить их невоздержность и безумную похоть только по одной причине: они сами страдают от того, что творят» (Sen. Ep. XXXIX, 5); «...наслаждение стоит на краю откоса и скатится к страданию, если не соблюсти меры» (Sen. Ep. XXIII, 6); «Необходимое измеряется пользой, излишнему где найдешь границу? Так и погружаются в наслаждения, без которых, когда они вошли в привычку, уже нельзя жить. Поэтому нет несчастнее зашедших так далеко, что прежде излишнее становится для них необходимым. Наслаждения уже не тешат их, а повелевают ими, они же – и это худшее зло! – любят свое зло» (Sen. Ep. XXXIX, 6); «Тем всякий век непременно покажется коротким, кто мерит его пустыми и потому бесконечными наслаждениями» (Sen. Ep. LXXVIII, 27); «...через наслаждение еще легче подкрадываются к нам пороки» (Sen. Ep. VII, 2); «Мы должны бежать подальше от всего, чем возбуждаются пороки. Душу нужно закалять, уводя ее прочь от соблазна наслаждений» (Sen. Ep. LI, 5).

В ходе рассуждений о счастье и путях, которые к нему ведут, Сенека поднимал проблему умеренности в жизни, начиная с констатации ее жизненной ценности: «Разумный человек умерен» (Sen. Ep. LXXXV, 2); «Велик тот человек, кто глиняной утварью пользуется как серебряной, но не менее велик и тот, кто серебряной пользуется как глиняной» (Sen. Ep. V, 6).

Практическую жизненную пользу умеренности он аргументировал следующим образом: «Великая душа пренебрегает великим и предпочитает умеренное чрезмерному, ибо первое полезно и животворно, второе вредно, потому что излишне» (Sen. Ep. XXXIX, 4); «Так восходят до звезд! Так, следуя за умеренностью; так, следуя за воздержностью; так, следуя за храбростью!» (Sen. Ep. LXXIII, 16); «Где нет меры, там и срок короток» (Sen. Ep. LXXIV, 19).

В письмах также описываются разные пути к достижению умеренности в жизни: «Необходимо привыкать к малому. <...>...Всякий может не хотеть того, что не имеет, и с радостью обойтись тем, что под рукой» (Sen. Ep. CXXIII, 3); «Ведь только не имея некоторых вещей, мы узнаем, что многие из них нам и не нужны. Мы пользовались ими не по необходимости, а потому что они у нас были» (Sen. Ep. CXXIII, 6); «Прежде всего ты сам для себя должен разобраться, что необходимо и что излишне. Необходимое ты легко найдешь повсюду; лишнее нужно всегда

искать, тратя всю душу (Sen. Ep. CX, 11); «Мера... может быть, труднее воздержания: ведь от чего-то легче отказаться совсем, чем сохранять умеренность» (Sen. Ep. CVIII, 16); «Воздержанность тяжела на первых порах. Потом желания гаснут по мере того, как устает и слабеет то, посредством чего мы желаем» (Sen. Ep. LXXVIII, 11).

В контексте размышлений об умеренном образе жизни актуальна проблема богатства и бедности, их преимуществ, недостатков и того, как они влияют на образ человеческой личности и ее поведение.

Прежде всего Сенека предупреждал о негативных сторонах владения богатством и его соответствующего влияния на сознание и поведение человека, а также давал советы, направленные на душевное исцеление индивида: «Это очень много – не развратиться, живя под одной кровлей с богатством. Велик тот, кто и в богатстве беден» (Sen. Ep. XX, 1); «Они (богатства. – А. Р.) делают душу кичливой, порождают спесь, навлекают зависть, до того иступляют ум, что молва о наших деньгах, пусть и опасная, приятна нам» (Sen. Ep. LXXXVII, 31); «Кто чем владеет, таков и он сам... владельцы больших богатств... идут только в придачу и в добавку к этим богатствам» (Sen. Ep. LXXXVII, 17, 18); «Если же кто хочет что-нибудь к нему добавить, тот, думая о его умножении, забывает им пользоваться: получает счета, толчется на торжище, листает календарь – и становится из хозяина управляющим» (Sen. Ep. XIV, 18); «Кто имеет много, тот желает еще больше» (Sen. Ep. CXIX, 6); «Скупец ко всем недобр, но злей всего – к себе» (Sen. Ep. CVIII, 9); «Тот более всех наслаждается богатством, кто меньше всех в богатствах нуждается» (Sen. Ep. XIV, 17); «Кратчайший путь к богатству – через презрение к богатству» (Sen. Ep. LXII, 3); «Много говорено о презрении к деньгам, произносились в поучение людям длинные речи о том, что богатство – не в наследственном достоянии, а в душе, что богат тот, кто приспособился к своей бедности, кто, имея мало, считает себя зажиточным. Но куда сильнее поражают душу изречения вроде этих: “Кто хочет меньше, меньше и нуждается. Имеет все, кто хочет, сколько надобно”» (Sen. Ep. CVIII, 11); «Только тот достоин бога, кто презрел богатства. Я не запрещаю тебе владеть ими, но хочу сделать так, чтобы ты владел ими без страха, а этого ты не достигнешь иначе, как убедившись, что можно счастливо жить и без них, и привыкнув смотреть на них как на нечто преходящее» (Sen. Ep. XVIII, 13).

Философ вспоминал превосходное, по его словам, изречение Эпикура: «Если ты хочешь сделать Пифокла богатым, нужно не прибавлять ему денег, а убавлять его желания» (Sen. Ep. XXI, 7).

С рассуждений о богатстве Сенека плавно переходил к теме бедности и связанными с ней некоторыми позитивными моментами: «То, чего требует природа, доступно и достижимо, потеет мы лишь

ради избытка» (Sen. Ep. IV, 10); «А то, чего с нас довольно, у нас под рукой. Кому и в бедности хорошо, тот богат» (Sen. Ep. IV, 11); «Беден не тот, у кого мало что есть, а тот, кто хочет иметь больше... Ты спросишь, каков предел богатства? Низший – иметь необходимое, высший – иметь столько, сколько с тебя довольно» (Sen. Ep. II, 6); «...бедность... несет с собою то, без чего нет никакой приятности: чувство безопасности» (Sen. Ep. XX, 12); «Так не должно ли любить бедность за то одно, что она ясно показывает, кто нас любит?» (Sen. Ep. XX, 7).

Поведение и душевное самочувствие человека, по мнению Сенеки, во многом зависит от того, как личность оценивает свою жизненную ситуацию и положение, в котором она находится. В его высказываниях в очередной раз четко проявляется ориентация на сохранение душевного спокойствия, управление желаниями и страстями, а также на жизнь по принципам «будь счастливым, если хочешь им быть» и «цени то, что имеешь».

Решающая роль самооценки в формировании позитивного отношения людей к достигнутым результатам и их благого душевного состояния наглядно демонстрируется в следующей знаменитой сентенции философа: «Несчастен, кто счастливым не сочтет себя. Имеет ли значение, как тебе живется, если ты полагаешь, что плохо?» (Sen. Ep. IX, 21).

В своих письмах он одним из первых указал на психологический феномен социального сравнения и его роль в человеческом поведении. «До чего легко каждый из нас, преуспев, забывает, с чего начал!» (Sen. Ep. CXIX, 8). Сенека советовал в ситуации, когда человек увидел, сколько людей опередили его, подумать «о том, сколько их отстало» и о том, что он «обогнал очень многих», и добавлял: «Но что тебе до других? Ты обогнал себя самого!» (Sen. Ep. XV, 10).

Другой выделенный им психологический феномен, снижающий удовлетворенность достигнутым, – это чрезмерная ориентация на будущее, с которым связаны опасения или, наоборот, надежды человека на то, что будет лучше, чем в настоящее время. В первом случае «...до всех несчастий несчастен тот, кто заботится, чтобы все, чем он наслаждается, до конца осталось при нем. Ни на час он не будет спокоен и в ожидании будущего потеряет нынешнее, чем мог бы наслаждаться» (Sen. Ep. XCVIII, 6). Во втором случае «...жизнь любого занята завтрашним днем. – Ты спросишь, что тут плохого. – Очень много! Ведь эти люди не живут, а собираются жить и все и вся откладывают» (Sen. Ep. XLV, 12, 13). Сенека предлагал такой выход из этой ситуации: «Каждый день будем считать лучшим и завладеем им!» (Sen. Ep. CVIII, 27); «Только мудрому по душе то, что есть, глупость же постоянно страдает, гнушаясь тем, что имеет» (Sen. Ep. IX, 22).

Еще один совет Сенеки состоит в том, что для повышения удовлетворенности жизнью следует из-

бавляться от негативных эмоциональных состояний, возникновение которых часто провоцирует сам человек: «Воображение... доставляет нам больше страданий, чем действительность» (Sen. Ep. XIII, 4); «Сделай же свою жизнь приятной, оставив всякую тревогу о ней. Никакое благо не принесет радости обладателю, если он в душе не готов его утратить, и всего безболезненней утратить то, о чем невозможно жалеть, утратив» (Sen. Ep. IV, 6).

Важнейшим принципом жизненной мудрости философ считал изменение отношения к событиям своей жизни, которыми человек не удовлетворен. Он также учил не спешить с преждевременной оценкой предстоящих событий и тем более заранее не предвещать их негативные последствия для себя. По этому поводу в письмах встречаются такие изречения: «Все зависит от мнения... Каждый несчастен настолько, насколько считает себя несчастным» (Sen. Ep. LXXVIII, 13); «...горек не сам урон, а мнение о нем» (Sen. Ep. XLII, 10); «Кто страдает раньше, чем нужно, тот страдает больше, чем нужно» (Sen. Ep. XCVIII, 8); «Я учу тебя только не быть несчастным прежде времени, когда то, чего ты с тревогой ждешь сейчас же, может и вовсе не наступить и уж наверняка не наступило. Много мучит нас больше, чем нужно, многое – прежде, чем нужно, многое – вопреки тому, что мучиться им вовсе не нужно. Мы либо сами увеличиваем свои страдания, либо выдумываем их, либо предвосхищаем» (Sen. Ep. XIII, 4, 5); «Даже если нам предстоит страдание, что пользы бежать ему навстречу?» (Sen. Ep. XIII, 10); «Ведь и злая судьба непостоянна. Может быть, беда случится, а может, и не случится; пока же ее нет, и ты рассчитывай на лучшее» (Sen. Ep. XIII, 11); «Если бояться всего, что может случиться, то незачем нам и жить, и горестям нашим не будет предела» (Sen. Ep. XIII, 12).

Учитывать следует и то, что тяжелые негативные переживания могут быть связаны не только с волнующим ожиданием того, что неприятное может произойти, но и с мучительными воспоминаниями о прошлом. Как говорил Сенека, человека «...мучит и будущее, и прошедшее. Из наших благ многие нам вредят: так память возвращает нас к пережитым мукам страха, а предвидение предвосхищает муки будущие» (Sen. Ep. V, 9).

В письмах мыслитель рекомендовал перестать переоценивать то, что совершил сам человек, и страдать вследствие этой переоценки. Ведь «всем кажется лучшим то, от чего отказались» (Sen. Ep. CXV, 17).

Отрицательно сказывается на результатах действия и настроении как завышенная, так и заниженная личностная самооценка. С одной стороны, людям больше всего мешает то, что они слишком скоро начинают «нравиться самим себе» (Sen. Ep. LIX, 11). С другой стороны, как писал Сенека, «все наше тупоумие заметно хотя бы из того, что мы считаем купленным лишь приобретенное за деньги, а на что тратим самих себя, то зовем даровым. Всякий ценит самого себя дешевле всего» (Sen. Ep. XLII, 7).

В целом проблемы эмоциональной жизни человека являются предметом пристального внимания философа-мыслителя. Особо он говорил о страстях и необходимости держать их под контролем: «Всякая страсть вначале немощна, а потом сама себя разжигает и набирается силы, разрастаясь: легче не пустить ее, чем выгнать» (Sen. Ep. CXVI, 3); «...мы не должны допускать, чтобы над нами взяла верх страсть бурная и необузданная, сама себя ставящая не во что и отдающаяся во власть другого» (Sen. Ep. CXVI, 5); «...лучше тому, кем одна страсть владеет целиком, чем такому, кто одержим всеми понемногу. И потому, не так важно, насколько страсть сильна: она, какова бы ни была, подчиняться не умеет и вразумлению не поддается» (Sen. Ep. LXXXV, 7, 8).

Одна из наиболее сильных и действенных эмоций – страх. Сенека писал о трех причинах страха: «Мы боимся бедности, боимся болезней, боимся насилия тех, кто могущественней нас» (Sen. Ep. XIV, 3). К ним он добавлял еще один повод для страха: «Чем больше успехи, тем больше и страх» (Sen. Ep. XIX, 8). В доказательство этого философ привел слова Мецената: «“Вершины сама их высота поражает громом”. В какой книге это сказано? – В той, что называется “Прометей”. Этим он хотел сказать, что удары грома поражают вершины» (Sen. Ep. XIX, 8, 9). Мыслитель делал акцент на губительности панического страха: «Нет ничего гибельней и непоправимей панического страха: всякий иной страх безрассуден, а этот – безумен» (Sen. Ep. XIII, 9).

Как избегать ситуаций, порождающих страх? Сенека предлагал достаточно подробные инструкции: «Я скажу, за чем тебе надобно следить, чтобы жить безопасней. Посмотри сам, что подстрекает человека губить другого, – и ты увидишь надежду, зависть, ненависть, страх, презрение. Из всего названного самое легкое – это презрение: многие даже прятались в нем ради самозащиты. Кого презирают, того, конечно, топчут, но мимоходом. Никто не станет вредить презираемому усердно и с упорством. Даже в бою лежащего минуют, сражаются с тем, кто на ногах. Для надежды ты не подашь бесчестным повода, если у тебя не будет ничего, способного распалить чужую бесчестную алчность, ничего примечательного. Ведь желают заполучить как раз примечательное и редкое, пусть оно и мало. Зависти ты избежишь, если не будешь попадаться на глаза, не будешь похваляться своими благами, научишься радоваться про себя. Ненависть порождается либо обидами... либо рождается беспричинно, – но от нее тебя убережет здравый смысл. Для многих ненависть бывала опасна: ведь иные вызывали ее, хотя и не имели врагов. Бояться тебя не будут, если твоя удачливость будет умеренной, а нрав кротким. Пусть же люди знают, что тебя задеть не опасно и помириться с тобою можно наверняка и без труда... Прибавь еще одно: кого боятся, тот и сам боится, кто ужасен другим, тому неведома безопасность. Остается еще презрение; мера его – в твоей власти, если ты сам принял

его на себя, если такова твоя воля, а не неизбежность. Избавиться от этой неприятности тебе помогут или свободные искусства, или дружба с людьми, имеющими власть и влияние у власть имущих. Впрочем, к ним нужно приближаться, но не сближаться тесно, чтобы лекарство не обошлось нам дороже болезни. А самым полезным будет не суетиться и поменьше разговаривать с другими, побольше с собою... Еще немалый залог безопасности – не поступать несправедливо» (Sen. Ep. CV, 1–7).

Другая эмоция, о которой размышлял Сенека, – это гнев. Его отношение к гневу выражено в двух предложениях: «Негодуй, если несправедливое установление метит только в тебя, но если одна необходимость опутывает стоящих и высоко, и низко, примиришь со все разрешающим роком!» (Sen. Ep. XCI, 15); «...не стоит негодовать ни на что, если ты сам не преувеличил повода своим негодованием» (Sen. Ep. CXXIII, 1).

Третья эмоция, которая стала предметом его внимания, – горе, скорбь. По этому поводу он говорил следующее: «Ничто не становится ненавистно так быстро, как горе» (Sen. Ep. LXIII, 13); «...все неожиданное гнетет нас сильнее» (Sen. Ep. XCI, 3); «Если скорби не прекратит разум, ей положит конец время; однако для разумного человека утомление скорбью – позорнейшее лекарство от скорби. Так что уж лучше сам оставь скорбь раньше, чем она тебя оставит, и поскорей перестань делать то, чего при всем желании не сможешь делать долго» (Sen. Ep. LXIII, 12).

В письмах отражены несколько замечаний о такой весьма прозаической, но всем знакомой вещи, как боль, и даны советы по поводу того, как ее лучше переносить: «Против боли лучшим лекарством будет упорство духа, который все может облегчить себе стойкостью и терпением. Боль по природе хороша и тем, что длительная не может быть сильной, а сильная – длительной» (Sen. Ep. XCIV, 7); «Полезно также, направив мысли к другим предметам, отвлекать их от боли» (Sen. Ep. LXXVIII, 18).

Как бы подводя итог своих рассуждений об эмоциях человека, Сенека дал практический совет: «Что бы с тобой ни случилось, не выходи из себя» (Sen. Ep. LXXIV, 20).

Говоря об отдельных отрицательных чертах человеческой личности и оценивая их, философ выделил равнодушие, которое «притворяется уступчивостью» (Sen. Ep. CXX, 8), наглость, которая, притворяясь смелостью, есть «не что иное, как ложный призрак величия» (Sen. Ep. LXXXVII, 32), и жадность, которая «принесла с собою бедность и, захотевши многого, потеряла все» (Sen. Ep. XC, 38).

Важнейший регулятор человеческой деятельности – воля, волевое начало. У древнеримского философа воля упоминается и рассматривается как сила духа: «Не падай духом в несчастье» (Sen. Ep. LXXVIII, 29); «Две вещи больше всего укрепляют дух: вера в истину и вера в себя» (Sen. Ep. XCIV, 46); «Обещай мне одно: когда тебя со всех сторон начнут убеждать, будто ты несчастен, думай не о том,

что ты слышишь, а о том, что чувствуешь, терпеливо размысли о своих делах (ведь ты знаешь их лучше всех)» (Sen. Ep. XIII, 6).

Предметом повышенного внимания Сенеки стали классические вопросы этики. Реконструируя нить его рассуждений, можно заметить, что в их эпицентре находятся понятия блага и добродетели. Размышления о благе он начинал со слов Сократа о том, «что высшая мудрость – различать благо и зло» (Sen. Ep. LXXI, 7). Упомянул Сенека и Эпикура: «Ведь и у Эпикура есть два блага, из которых и слагается высшее блаженство: отсутствие боли – в теле, волнения – в душе» (Sen. Ep. LXVI, 45). В письмах рассматриваются и другие определения блага, а также делается вывод о том, что лучшее из них «...дают те, что говорят: “Благо – это то, что вызывает в душе стремление к себе, согласное с природой”» (Sen. Ep. CXVIII, 9). Продолжая раскрывать содержание этого понятия, мыслитель говорил об «изначальном благе». По его словам, «...это душа, которая устремляет взгляд к истине, знает, к чему стремиться, чего бежать, ценит все вещи по их природе, а не по общему мнению о них, проникает во всю вселенную и направляет свое созерцание на все, что в ней творится, которая равно бдительна в мыслях и в поступках, полна величия и деятельна, которую не победить ни бедам, ни удачам, ибо она не поддается ни ласке, ни вражде фортуны и стоит выше всего, что может нам перепасть или выпасть; душа, украшенная достоинством и спокойною силой, здравая и трезвая, непоколебимая и неустрашимая, не сламливаемая никакою силой, ни от какой случайности не возносящаяся и не понижающаяся. Душа эта есть добродетель» (Sen. Ep. LXVI, 6). Иными словами, «это душа свободная и возвышенная, все подчиняющая себе и сама ничему не подчиненная» (Sen. Ep. CXXIV, 12).

Одна из особенностей блага, по его мнению, состоит и в том, что оно неразрывно связано с честностью: «У них есть нечто единое и неразделимое: нет блага, в котором не было бы доли честности, и что честно, то всегда благо. А в чем же различие? Честность есть совершенное благо, завершающее собою блаженство жизни, благо, через причастность к которому и все прочее становится благом. Вот что я имею в виду: военная служба, например, или начальство над легионом, или право вершить суд – все это и не благо, и не зло. Но когда обязанности эти исполняются честно, они становятся благами» (Sen. Ep. CXVIII, 10, 11).

В итоге философ подчеркивал жизненное значение блага следующими словами: «Что может сделать нашу жизнь блаженной, то и есть благо» (Sen. Ep. XLIV, 6).

Благо и его достижение Сенека напрямую соединял со знанием и совершенным разумом: «Что же есть благо? Знание. Что есть зло? Незнание» (Sen. Ep. XXXI, 6). Благо «есть лишь в том человеке, чей разум уже достиг совершенства» (Sen. Ep. CXXIV, 11).

Человек, чья душа благодаря совершенному разуму достигла блага, склонен к добродетельным поступкам. Здесь он ссылался на следующие слова Сократа: «Добродетель и истина – одно» (Sen. Ep. LXXI, 16). В продолжение этой мысли Сенека добавлял: «Добродетель разделяется на две части: на созерцание истины и поступки. Созерцать учит образование, действовать – поучение. Правильные поступки и упражняют, и обнаруживают добродетель» (Sen. Ep. XCIV, 45).

Сенека выделил основные добродетели и дал им такую характеристику: «Храбрость есть презрение ко всему страшному; она пренебрегает внушающим ужас и склоняющим под иго нашу свободу, бросает ему вызов, переламывает его. Верность есть святейшее благо человеческого сердца, ее никакая необходимость не принудит к обману, никакая награда не совратит. Она говорит: “Жги, бей, убивай – я не предам! Чем сильнейшая боль будет выпытывать тайны, тем глубже я их скрою” ...Воздержанность умеряет наслаждения; одни она с ненавистью изгоняет, другие соразмеряет и сокращает до здорового предела, никогда не приближаясь к ним ради них самих. Она знает, что лучшая мера для всего желанного – взять не сколько хочется, а сколько необходимо. Человеколюбие запрещает быть надменным с товарищами, быть скупым, оно и в словах, и в делах, и в чувствах являет всем мягкость и ласковость, ничью беду не считает чужою, свое благо любит больше всего тогда, когда оно служит на благо другому» (Sen. Ep. LXXXVIII, 29, 30). Кроме того, в письмах он говорил о простоте и скромности, о довольстве малым и бережливости, о милосердии, оберегающем чужую кровь не меньше своей и знающем, что человек не должен пользоваться силами другого человека расточительно.

К числу отличительных свойств добродетели, по мнению Сенеки, относятся постоянство нравов, гармония жизненного пути и польза добра для самого дающего его: «У добрых нравов, помимо прочего, то преимущество, что они довольны собой и не меняются. Непостоянно злонаравие: оно меняется часто, но к лучшему никогда» (Sen. Ep. XLVII, 21); «Но, чтобы добродетель была совершенной, нужно еще вот что: пусть будет твоя жизнь равна себе, пусть ничто в ней не противоречит одно другому» (Sen. Ep. XXXI, 8); «Благодеяния... равно полезны и благодетелю, и благодетельствуемому» (Sen. Ep. XXXVI, 5); «...добрый полезен добродетели. – Чем?.. – Он доставит ему радость, укрепит в нем уверенность; при виде спокойствия другого каждому станет еще отраднее. Помимо этого, один передаст другому знание некоторых вещей: ведь мудрец знает не все, а если бы и знал, другой может придумать кратчайшие пути и показать, по каким из них возможно легко довести весь труд до конца» (Sen. Ep. CIX, 4, 5).

Регулирующую роль долга в поведении человека Сенека иллюстрировал в двух примерах: «Человеку

добра нужно жить, сколько велит долг, а не сколько приятно... Если польза близких требует, душа может даже приказывать себе положить конец не только желанию смерти, но и самой смерти, когда она началась, – только бы угодить близким» (Sen. Ep. CIV, 4); «Вернуться к жизни ради других – признак наибольшего величия души, и величайшие мужи часто так поступали» (Sen. Ep. CIV, 4).

О совести и ее значении для человека философ говорил так: «Злые дела бичует совесть, что величайшая пытка для злодея – вечно терзающее и мучающее его беспокойство, не позволяющее поверить поручителям его безопасности... даже скрывшийся не верит в возможность скрываться, что его уличает и обличает перед самим собою совесть» (Sen. Ep. XCVII, 15, 16); «Кто ждет наказания, тот наказан, а кто заслужил его, тот ждет непременно. Когда совесть нечиста, можно остаться безнаказанным, а уверенным нельзя. Даже не пойманный думает, что его вот-вот поймут, он ворочается во сне, и едва заговорят о каком-нибудь злодействе, вспоминает о своем: оно кажется ему плохо скрытым, плохо запрятанным. Преступник может удачно схрониться, но полагаться на свою удачу не может» (Sen. Ep. CV, 7, 8).

В тесной взаимосвязи с вопросами нравственности Сенека рассматривал проблемы воспитания и самовоспитания, а также исправления душевных недостатков: «Учиться добродетели – это значит отучаться от пороков. И тем смелее мы должны брать за исправление самих себя... Добродетели нельзя разучиться» (Sen. Ep. L, 7, 8).

Рассматривая воспитательный процесс, Сенека давал характеристику «больной души»: «Первый признак больной души – колебания и непрерывное метание от показной добродетели к искренно любимым порокам» (Sen. Ep. CXX, 20). Он также писал о «болезнях, что поражают душу» (Sen. Ep. CXX, 20): есть «...души, которые наслаждаются своей болезнью и сами ищут поводов для скорби, печалются из-за того, что давно прошло и забыто. Что минуло, что настанет, этого сейчас нет, и мы ни того, ни другого не чувствуем. А больно только тогда, когда чувствуешь» (Sen. Ep. LXXIV, 34), но «каждый, чем больше ими страдает, тем меньше это чувствует» (Sen. Ep. LIII, 7).

Первый шаг в самовоспитании – объективный, самокритичный взгляд на себя самого: «Признать свои пороки – признак выздоровления» (Sen. Ep. LIII, 8); «...желание стать добродетельными – полпути к добродетели» (Sen. Ep. LIII, 8).

Рассуждая о собственно воспитательном процессе, он выделял несколько главных моментов. Сенека писал о том, что нужно стремиться к самосовершенствованию, а для этого постоянно заниматься самообразованием. О себе мыслитель говорил: «Я не перестаю читать, а это, по-моему, необходимо – во-первых, чтобы не довольствоваться самим собой, во-вторых, чтобы, зная исследованное другими,

судить о найденном и думать о том, что еще нужно найти» (Sen. Ep. LXXXIV, 1). Нужно помнить, что «долог путь наставлений, краток и убедителен путь примеров» (Sen. Ep. VI, 5), и поэтому в воспитательных целях «следует выбрать кого-нибудь из людей добра и всегда иметь его перед глазами, – чтобы жить так, словно он смотрит на нас, и так поступать, словно он видит нас» (Sen. Ep. XI, 8). Этому, по словам древнеримского философа, учит Эпикур, который говорил, что нам нужен «...кто-нибудь, по чьему образцу складывался бы наш нрав. Ведь криво проведенную черту исправишь только по линейке» (Sen. Ep. XI, 9, 10). Если человек использует метод убеждения, то «слов нужно немного, но зато убедительных» (Sen. Ep. XXXVIII, 1). Продолжая мысль, он добавлял: «Не надейся, что тебе удастся наскоро отведать плоды дарования величайших людей: тут нужно все рассмотреть, все изучить» (Sen. Ep. XXXIII, 5). На примере преодоления безделья Сенека показывал воспитательный эффект конкретных практических действий и то, как можно стремиться к ним: «Дело искореняет пороки, порожденные бездельем» (Sen. Ep. LVI, 9); «Мало не отказываться от труда: нужно искать его!» (Sen. Ep. XXXI, 6). Он также писал, что, если человек хочет «освободиться от пороков», ему следует сторониться «порочных примеров» (Sen. Ep. CIV, 21). Мыслитель поднимал тему сплетен, не употребляя само это слово: «Кажется, что худший род людей – переносчики чужих слов, а на самом деле это переносчики пороков. Их разговор приносит величайший вред: даже если он не действует сразу, то оставляет в душе семена, и за нами, даже когда мы с этими людьми расстанемся, неотступно следует зло, которое взойдет потом» (Sen. Ep. CXXXIII, 8). Поэтому нужно сознательно выбирать круг общения, проводить «время только с теми, кто сделает тебя лучше», допускать «...к себе только тех, кого ты сам можешь сделать лучше. И то и другое совершается взаимно, люди учатся, обучая» (Sen. Ep. VII, 8).

Как бы подводя итог этой нити своих размышлений, он говорил: «Учись, покуда чего не знаешь, а если пословица, так и “век живи, век учись”. И ни к чему другому не приложимо это правило лучше: век живи – век учись тому, как следует жить» (Sen. Ep. LXXVI, 3).

Отдельно можно выделить его отношение к алкоголю: «Пьянство и разжигает, и обнажает всякий порок, уничтожая стыд, не допускающий нас до дурных дел» (Sen. Ep. 19); «...мудрый не должен пить допьяна» (Sen. Ep. LXXXIII, 27).

В контексте своих этических взглядов и личной жизненной позиции Сенека рассуждал об отношениях людей между собой и прежде всего о том, как следует нравственно оправдано относиться к другому человеку. Его исходный тезис предельно четко зафиксирован тремя сентенциями: «Кто живет ни для кого, тот не живет и ради себя» (Sen. Ep. LV, 5);

«Живи с людьми так, будто на тебя смотрит бог» (Sen. Ep. X, 5); «Гекатон говорит: “Я укажу приворотное средство без всяких снадобий, без трав, без заклинаний знахарки. Если хочешь, чтоб тебя любили, – люби”. Не только старая, испытанная дружба приносит нам великое наслаждение, но и начало новой, только лишь приобретаемой» (Sen. Ep. IX, 6).

Этот тезис конкретизируется в важнейшем правиле человеческого общежития: «...обходишься со стоящими ниже так, как ты хотел бы, чтобы с тобою обходились стоящие выше» (Sen. Ep. XLVII, 11).

Одновременно Сенека предупреждал о том, что «человек человеку грозит ежедневно» (Sen. Ep. CIII, 1). В этой ситуации он советовал вести себя весьма многозначительно, т. е. думать «...о грозящей от человека опасности так, чтобы не забывать и о долге человека. На одного гляди, чтоб он тебе не повредил, на другого – чтобы ему не повредить. Радуйся чужим удачам, огорчайся неудачам, помни, что ты должен дать другим и чего остерегаться» (Sen. Ep. CIII, 3). Он также давал второй совет: «...сторониться людей, на тебя не похожих и одержимых другими желаниями» (Sen. Ep. XXXII, 2).

Сенека утверждал, что высшая форма отношений между людьми – дружба: «Отроду заложено в нас влечение... к дружбе» (Sen. Ep. IX, 17). Уже по этой причине надо «жадно наслаждаться обществом друзей» (Sen. Ep. LXIII, 8). Но к выбору друзей следует относиться очень внимательно: «Долго думай, стоит ли становиться другом тому или этому» (Sen. Ep. III, 2).

Сенека также формулировал важнейшие этические правила дружеских отношений: «...решившись (на дружбу. – А. Р.), принимай друга всей душой и говори с ним так же смело, как с собою самим» (Sen. Ep. III, 2); «...делись лишь с другом всеми заботами, всеми мыслями. Будешь считать его верным – верным и сделаешь» (Sen. Ep. III, 3); «Дружба делает наши дела общими, у каждого поодиночке нет ни беды ни удачи: вся жизнь друзей – заодно» (Sen. Ep. XLVIII, 2); «Я назову тебе многих, кто лишен не друзей, но самой дружбы. Такого не может быть с теми, чьи души объединяет общая воля и жажда честного. Как же иначе? Ведь они знают, что тогда у них все общее, особенно невзгоды» (Sen. Ep. VI, 3).

Решая поставленную перед собой задачу по охвату всей нравственной философии и объяснения всех относящихся к ней вопросов, Сенека неминуемо касался первостепенных вопросов организации жизни общества.

Первоосновы общественной жизни он видел в том, что «...мы родились, чтобы жить вместе. И сообщество наше подобно своду, который потону и держится, что камни не дают друг другу упасть» (Sen. Ep. XCV, 53). И в развитие этой мысли Сенека добавлял: «Стремление жить сообща естественно объединяет человека с человеком» (Sen. Ep. IX, 17). Объясняя фундаментальные принципы, на которых держится общественная жизнь, он прежде всего

ссылался на высказывание известного римского государственного деятеля и полководца Марка Агриппу, который «говорил, что многим обязан такому изречению: “Согласием поднимается и малое государство, раздором рушится и самое великое”» (Sen. Ep. XCIV, 46).

Другие фундаментальные принципы организации жизни общества Сенека раскрывал тогда, когда писал о равенстве, справедливости, законах, свободе и мире: «Равенство есть начало справедливости» (Sen. Ep. XXX, 11); «...равенство прав не в том, что все ими воспользуются, а в том, что они всем предоставлены» (Sen. Ep. CVII, 6); «...что такое законы, как не наставления вперемежку с угрозами? – Прежде всего, они потому и не убеждают, что грозят, наставления же не заставляют, а уговаривают. Потом законы страхом удерживают от злодейства, наставления поощряют к выполнению обязанностей. Прибавь к этому, что и законы полезны для добрых нравов, по крайней мере, если они не только повелевают, но и учат» (Sen. Ep. XCIV, 37); «... в государствах с дурными законами и нравы дурные» (Sen. Ep. XCIV, 38); «...неделимые блага – свобода, мир – целиком принадлежат и всем вместе, и каждому в отдельности» (Sen. Ep. LXXIII, 8).

Отдельно можно выделить его неприязненное отношение к толпе, с которой тем не менее он учил обходиться разумно, пытаясь повлиять на ее поведение своим положительным примером: «Будем делать все, чтобы жить лучше, чем толпа, а не наперекор толпе, иначе мы отпугнем от себя и обратим в бегство тех, кого хотим исправить. Из страха, что придется подражать нам во всем, они не пожелают подражать нам ни в чем – только этого мы и добьемся» (Sen. Ep. V, 3); «Никогда я не хотел нравиться народу – ведь народ не любит того, что я знаю, а я не знаю того, что любит народ» (Sen. Ep. XXIX, 10); «Толпе нужно уподобиться: не признав своим, она тебя и не полюбит» (Sen. Ep. XXIX, 11).

Путь к правильной жизни Сенека напрямую связывал с мудростью: «Ищи мудрость прежде всего остального» (Sen. Ep. XVII, 8); «Ты спросишь меня, каков самый долгий срок жизни? Жить, пока не достигнешь мудрости, – не самой дальней, но самой великой цели» (Sen. Ep. XCIII, 8).

Далее он пояснял, что такое мудрость, зачем она нужна людям, в чем состоит главное предназначение мудрого человека и каким образом он оказывает благотворное влияние на других: «Мудрость... наставница душ, она мыслит о пользе, лелеет мир, зовет род людской к согласию» (Sen. Ep. XC, 26); «Ты спрашиваешь, что исследовал, что сделал ясным для всех мудрец? Во-первых, природу... Во-вторых, закон жизни» (Sen. Ep. XC, 35); «Мудрость – замести-

тельница богатства: она дает тебе все, что делает ненужным для тебя» (Sen. Ep. XVII, 10); «Мудрец... его искусство – укрощать беды. И страдание, и нищета, и поношение, и темница, и изгнание, повсюду внушающие ужас, едва попадают к нему, становятся кроткими» (Sen. Ep. LXXXV, 41); «Посидоний² считает необходимым не только “наставительство” (воспользуемся его словом и мы), но и ободрение, утешение, убеждение» (Sen. Ep. XCV, 65).

Сенека также упоминал о некоторых особенностях поведения мудреца и его эмоционального состояния: «Первая обязанность мудрого и первый признак мудрости – не допускать расхождения между словом и делом и быть всегда самим собою» (Sen. Ep. XX, 2); «Мудрец не станет нарушать общепринятых обычаев и привлекать внимание народа невиданным образом жизни» (Sen. Ep. XIV, 14); «Пусть изнутри мы будем иными во всем – снаружи мы не должны отличаться от людей» (Sen. Ep. V, 2); «Мудрому никто, кроме него самого, не нужен. Но хоть с него и довольно самого себя, ему все же хочется иметь и друга, и соседа, и товарища» (Sen. Ep. IX, 3); «Найти другого мудреца само по себе желательно для мудрого: ведь по природе благо дорожит благом, и человек добра привязывается душою к другому такому же, словно к самому себе» (Sen. Ep. CIX, 13); «Радость – удел одних лишь мудрецов: ведь она есть некая приподнятость души, верящей в собственные и подлинные блага» (Sen. Ep. LIX, 1); «Мудрец полон радости, весел и непоколебимо безмятежен; он живет наравне с богами» (Sen. Ep. LIX, 14); «Мудрец без радости не бывает. А рождается такая радость лишь из сознания добродетелей. Радоваться может только мужественный, только справедливый, только умеренный» (Sen. Ep. LIX, 16, 17).

Своего рода завершающим сюжетом в цепочке рассуждений Сенеки являются его размышления о философии, ее месте в постижении мудрости и становлении мудрого поведения человека.

Начинает он с того, «...чем отличается мудрость от философии. Мудрость есть совершенное благо человеческого духа, философия же – любовь и стремление к мудрости. Философия указывает туда, куда пришла мудрость. Почему философия называется так, ясно: само имя ее говорит об этом»³ (Sen. Ep. LXXXIX, 4). В предельно лаконичной форме он выражал эту мысль так: «Философия – в пути, мудрость – в его конце» (Sen. Ep. LXXXIX, 6).

Сенека разъяснял и обосновывал структуру и основные функции философии: «Философия трехчастна, мы начнем с разделения нравственной ее части. Было установлено, что и она делится на три: первое в ней – наблюдение, назначающее каждому свое и оценивающее, что чего стоит... Второй раздел ее

²Древнегреческий философ, один из основоположников стоицизма.

³Разъясняя свою мысль, Сенека писал, что слово «философия», придуманное Пифагором (по преданию), происходит от греч. φίλο – люблю и σοφία – мудрость.

учит о побуждениях, третий – о поступках. Первая твоя обязанность – судить, что чего стоит; вторая – соразмерять и обуздывать в зависимости от этого твои побуждения; третья – заботиться, чтобы побуждения и поступки друг другу соответствовали, а сам ты ни в тех, ни в других не впадал в противоречие с самим собою» (Sen. Ep. LXXXIX, 14); «Философия двояка: это и знания, и душевные свойства» (Sen. Ep. XCIV, 48). О функциях философии он писал: «Ее труд один: отыскивать истину обо всех делах божеских и человеческих. С нею неразлучны справедливость, благочестье, совестливость и прочие ее спутники – связанные и согласные между собою добродетели» (Sen. Ep. XC, 3); «Первое, что обещает дать философия, – это умение жить среди людей, благожелательность и общительность» (Sen. Ep. V, 4); «Философия есть забота о достижении добродетели... философия и добродетель нераздельны» (Sen. Ep. LXXXIX, 8); «Никакая другая наука добра и зла не исследует» (Sen. Ep. LXXXVIII, 28).

Философ добавлял: «А каковы изречения, или высказанные оракулом или подобные им: “Береги время! Познай себя!”» (Sen. Ep. XCIV, 27). Продолжая эту мысль, Сенека добавлял: «Кто станет отрицать, что некоторые наставления поражают даже самых неискушенных? Например... Ничего сверх меры! Для тех, кто жаден, всякая корысть мала. Что ты другим, того же от других ты жди. Слыша это, мы чувствуем некий удар, и нельзя уже ни сомневаться, ни спрашивать “почему?”. Вот до чего захватывает, даже и без всякого обоснования, истина» (Sen. Ep. XCIV, 43).

В письмах он также писал о соотношении философии, свободы и фортуны. «Кто-нибудь скажет: “Что мне пользы в философии, если есть рок?”» (Sen. Ep. XVI, 4). На вопрос о том, как стать свободным, Сенека отвечал: «Этот путь откроет перед тобою философия» (Sen. Ep. XXXVII, 3). Обосновывал он свой ответ следующими словами: «Она даст нам силу добровольно подчиняться божеству, стойко сопротивляться фортуне, она научит следовать велениям божества и сносить превратности случая» (Sen. Ep. XVI, 5).

Поставив перед собой задачу охватить всю нравственную философию и объяснить относящиеся к ней вопросы, Сенека в итоге представил всестороннее изложение основ мудрого восприятия мира и поведения в понимании стоической этики. Им раскрыто понимание стоиками разума (Бога), необходимости, судьбы (фортуны), души, а также счастья, наслаждения и путей их достижения. Он продемонстрировал стоические представления о смысле жизни, целях и тактике человеческих действий, их роли в поведении людей, об их душевном самочувствии и оценке своей жизненной ситуации. Особый акцент сделан на вопросах этики, в эпицентре которых находятся понятия блага и добродетели, долга и совести, нравственные основы межличностных отношений и общественной жизни, проблемы и методы воспитания и самовоспитания. Обсуждение основ грамотного поведения людей сопровождается практическими правилами жизненной мудрости.

*Статья поступила в редколлегию 30.01.2023.
Received by editorial board 30.01.2023.*